

УДК 81'27

Ю. В. Дорофеев

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь)

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Розглянуто проблему варіювання мови. На прикладі конвергентних і дивергентних процесів у сучасних мовах встановлено, що мінливість і варіювання являють собою онтологічні характеристики мови в цілому і тому їх слід аналізувати як універсальні категорії.

Ключові слова: мінливість, варіативність, виникнення мови.

Рассмотрена проблема вариативности языка. На примере конвергентных и дивергентных процессов в современных языках установлено, что изменчивость и вариативность представляют собой онтологические характеристики языка в целом и поэтому их следует анализировать как универсальные категории.

Ключевые слова: изменчивость, вариативность, происхождение языка.

This article is devoted to a problem of description and research of convergent and divergent processes in the modern languages from a position of functional linguistic.

Key words: changes, variability, language occurrence.

Проблема изменчивости языка в современном языкознании не может рассматриваться безотносительно к деятельности человека, ведь «в последней четверти XX в. постепенно стало очевидно, что интерес к языку есть в то же время интерес к самому человеку» [3, с. 225]. Человеческий язык возник как средство выражения социальных отношений и поэтому «пока не было постоянного трения друг об друга человеческих групп, не могло быть ни сознания, ни речи» [1, с. 275]. Но в этой взаимосвязи кроется своеобразный парадокс: гораздо удобнее для отдельного коллектива было бы, чтобы язык оставался постоянным, однако это сделало бы невозможным развитие общества, поскольку «процесс становления и развития языковой системы как продукта адаптации ее к биосоциальным особенностям человека» [13, с. 125] происходил параллельно с процессом эволюции человека, и, таким образом, в самом языке должны были быть заложены механизмы, обеспечивающие его развитие. Какова суть этих механизмов и каковы условия, приводящие их в действие, – вот вопросы, которые, по нашему мнению, являются центральными для лингвистики.

В связи с этим мы ставим **целью** нашей работы рассмотреть изменчивость и вариативность языка как онтологически присущие ему свойства, без которых язык не смог бы выполнять свои функции.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: 1) анализ общих закономерностей развития языка на этапе его возникновения и в современном мире; 2) рассмотрение условий, которые определяют изменчивость языка; 3) характеристика вариативности как свойства, обеспечивающего адаптивные возможности языка.

Понимание языка и объяснение закономерностей его развития связаны с истолкованием проблемы возникновения языка: «никакая общая теория языка не может считаться полной и законченной, если она не включает ту или иную концепцию происхождения языка» [1, с. 271]. Ведь обращение к этой проблеме позволит нам выделить те свойства языка, которые были заложены в нем изначально и без которых было бы невозможно его функционирование. Именно здесь кроются корни изменчивости языка.

В данном случае нас интересует не непосредственно момент возникновения языка, а тот факт в каком виде он появился: как единый для всех язык или же как множество языков?

Теория моногенеза утверждает, что все разнообразие языков возможно свести к общему предку [6]. Этой позиции придерживаются многие ученые. Приведем только одно высказывание из современного источника: «По-видимому, первоначальный язык человека существовал как один (единый) язык» [8, с. 11]. При этом автор в дальнейшем отмечает, что «языковые изменения представляют собой процесс непрерывного совершенствования языка как средства общения и познания» [8, с. 270]. Однако в этом случае непонятно, как исследователи объясняют проблему изменчивости языка. Что послужило стимулом к разделению языков? Каким путем произошло это разделение, ведь носители языка на достаточно большой территории не знали других языков? Наконец, зачем в этом случае вообще происходили какие-то изменения в языке?

Мы полагаем, что в условиях моногенеза развитие языка зашло бы в тупик (как и развитие человечества, ведь люди, владеющие одним языком, должны были представлять собой некое достаточно устойчивое единство), так как в этом случае утрачивается важнейший стимул развития: конкуренция. Вследствие этого нам представляется более правильным, что «вопреки распространенному убеждению, огромное разнообразие языков, засвидетельствованных к настоящему времени, скорее всего, невозможно свести к одному первоначальному языку, единому для всего человечества» [3, с. 16].

Более того, мы уверены, что возникшие языки не стремились к слиянию, а, наоборот, отталкивались друг от друга, что наблюдается и в современном мире: «мы до сих пор видим, как самые мелкие и мельчайшие языковые группы с поразительной цепкостью держатся за родную речь, хотя коммуникативные нужды повелительно толкают их на путь языковой ассимиляции и объединения с соседями. Эта цепкость есть наследие того времени, когда язык был выражением социальной особенности, отказаться от которой означало потерять свое лицо. Язык был ценен и дорог своей этнодемаркационной функцией» [1, с. 277]. И это противостояние как раз и послужило важнейшим стимулом развития языков, отражающих картину мира своих носителей: «потребность все время отталкиваться от других коллективов, противопоставлять себя им, порождала множество дифференцированных звуковых комплексов социально-символического характера и создавала великолепные условия для тренировки звукопроизводительных органов и для постоянной дифференциации, пополнения и обогащения лексики [1, с. 273]. Существование таких отношений подтверждают выводы разных исследователей: «Раздробленность первобытного человечества на огромное число общностей или общин (причем разного уровня и пересекающихся), стоящих к друг другу в отношении «мы – они», было объективной хозяйственной необходимостью» [10, с. 405]; «человеческие языки в современном смысле слова могли возникнуть лишь после миграций людей на дальние расстояния. Отсюда следует предположить, что этот процесс происходил одновременно в самых разных местах» [3, с. 20]. Однако для нас важно, что в любом случае язык возник не в монолитном обществе, представлявшем собой единый коллектив, а в условиях, когда два или более коллектива были противопоставлены друг другу (и прежде всего, при помощи языков).

В этих условиях процесс развития языка мог идти только по двум направлениям, отражающим взаимоотношения различных коллективов: разделение одного языка на два и слияние двух (или более) языков в один [2, с. 245]. Такое «многократное повторение процессов объединения и взаимопроникновения коллективов влечет за собой быстрое, в геометрической прогрессии обогащение лексики» [2, с. 246]. И эти

процессы не являются частью только древнейшей истории человечества, мы наблюдаем их и сегодня. Дивергенция возникает, например, в случаях, когда колония отделяется от метрополии, но язык последней продолжает функционировать и постепенно превращается в национальный вариант. Конвергенция наблюдается в случае функционирования на одной территории близкородственных языков, что приводит к образованию койне (например, суржика). В связи с активизацией процессов взаимодействия различных языков в эпоху глобализации во многих современных языках существенно расширяются границы лексико-семантической системы.

При этом надо иметь в виду, что развитие языка всегда протекает не само по себе, а только в деятельности человека. «Если говорить о механизме возникновения нового в языке не только на первых этапах его развития, то надо иметь в виду, что всякая новация появляется сначала в индивидуальной речи, а затем уже, будучи принятой обществом, становится объективным и социальным явлением» [14, с. 119–120], и поэтому «изменение является результатом многих актов принятия, осуществляющихся в одном и том же направлении» [7, с. 162]. В связи с этим Б. В. Якушин пишет: «Представляется несомненным, что и в современной речевой деятельности очень важна роль авторитета при создании инновации, а на заре языка эта роль, очевидно, была еще выше» и поэтому, «если мы признаем выдающуюся роль лидера в языкотворчестве, то должны признать и уникальность звукового оформления семантических единиц в каждом социуме. А это означает, что при первобытно-общинном строе должно существовать великое множество различных языков, а при их «скреживании» – бурный рост лексики нового языка» [14, с. 134]. Таким образом, изменения в языке напрямую связаны с деятельностью человека и имеют одно основание: языковую свободу говорящих, имеющую экспрессивную и коммуникативную целенаправленность [7, с. 147].

Уже на первых порах язык выполнял те же функции, что и в современном обществе: «Язык стал чутким регистратором общественных процессов и изменений. Всякие перемены, сдвиги, колебания в отношениях как внутри коллектива, так и между соседними коллективами находили отзвук в языке» [2, с. 245]. И он уже тогда обладал всеми необходимыми характеристиками для выполнения своих функций. Закономерным представляется, что на современном этапе изменились только внешние проявления языка, а его онтологическая, бытийная сущность сохранилась. И тогда изменчивость языка следует рассматривать как необходимое свойство, без которого язык теряет важнейшее качество, характеризующее его как «живой».

Итак, можно считать, что для современного языкознания является бесспорным «положение о том, что язык – это деятельность, что он находится в постоянном преобразовании, изменении, развитии или эволюции, относится не только к значимой стороне языка, где все эти процессы характеризуются наибольшей наглядностью, но и ко всем прочим строевым элементам языка» [5, с. 155–156].

В основе изменчивости и развития языка лежит вариативность: «вариативность – это не какое-то средство украшения речи, которым овладевают дополнительно к усвоению языка как некой однородной целостности. В действительности речь идет о центральном свойстве языка, вариативность присуща ему внутренне» [3, с. 262–263]. Поэтому, когда языковедами ставится вопрос: «Можно ли перечислить черты, которые присущи любому языку – просто «по определению», в силу его принадлежности к классу семиотических систем, называемых «естественный звуковой язык человека?» [8, с. 12], на наш взгляд, прежде всего нужно обращать внимание не на общность грамматических категорий, а на те черты, которые делают язык орудием регуляции общественных отношений.

Изменчивость языка обусловлена изначально его функциями в обществе. Следовательно, устойчивость или варьирование языковой системы связано с развитием

коммуникативних потребностей говорящих: «условиями, благоприятными для изменения, являются разнообразие (региональное или социальное) языковых навыков – в пределах одного и того же исторического языка – и слабость этих навыков в эпоху культурного упадка или в социальных группах низкой культуры» [7, с. 83]; «условиями относительной устойчивости (сопротивляемости по отношению к изменениям) являются однородность и четкость языковых навыков, а также вообще приверженность говорящего коллектива к своей языковой традиции» [7, с. 83].

При таком понимании изменчивости вариативность естественного языка не должна восприниматься как антиномия или парадокс, свойственная языковой системе, это и есть форма существования языковой системы: «вариативность – это и есть сама реальность, и всякие попытки редуцировать или игнорировать ее приводят к построению лингвистики, лишенной социального содержания» [3, с. 216]. Здесь необходимо указать, что механизм языкового варьирования базируется на отношении инвариант – вариант. Если «инвариант является не простой суммой фактуального, а неким виртуальным обобщенным единством, осознанным на основе когнитивной обработки множества фактуальных знаний и вычленения их однородности и однопорядковости» [12, с. 2.15], то вариант – это одна из форм манифестации инварианта, способ его проявления, та реальность, которую мы наблюдаем в речевой деятельности. Бесспорно, таких вариантов может быть множество (как, например, вариантов фонемы <a> в известном примере М. В. Панова), однако среди них выделяются такие, которые обладают определенной значимостью для носителей данного языка. Ведь каждый из нас является носителем не одной формы языка, а сразу нескольких, и способен использовать эти формы дифференцированно в разных ситуациях общения (например, литературный язык и социолект).

Следовательно, сущность человеческого языка состоит в вариации: язык проявляет себя в виде конкретных языков, а языки – в виде вариантных форм. И такое разнообразие является ключом к постижению закономерностей функционирования и развития языка в целом. Соответственно, появление вариантных форм также представляет собой закономерный процесс. И необходимо определять различные диалекты, интерферированные формы языков не как искажения и отступления от традиционной нормы, а как универсальную тенденцию для тех языков, которые получили распространение на очень широкой территории или стали средством коммуникации более чем одной нации. Любой язык, достигший определенной степени влияния, утрачивает свою целостность и распадается на разного типа диалекты, каждый из которых потенциально при благоприятных условиях может стать самостоятельным языком.

Посмотрим с этой точки зрения на историю формирования ряда языков. Так, восточнославянские языки являются относительно молодыми и имеют общий язык-предок – древнерусский, который в течение нескольких веков использовался на очень большой территории, вследствие чего в нем четко выделились три наречия, каждое из которых дало начало новому языку. Также показательна в этом отношении история становления такого языка как африкаанс, который сложился в результате креолизации и поначалу рассматривался как разновидность нидерландского языка, но впоследствии получил статус самостоятельного языка [9].

С другой стороны, языки, функционирующие в иных условиях (на относительно замкнутой территории, где проживает преимущественно одна нация), демонстрируют большую целостность и устойчивость. Например, исландский язык почти не имеет диалектных различий, более того, среди всех германских языков он сохранил наиболее архаичные черты [4].

Отношение к вариантным формам языка является важным элементом культуры. Так, в Японии диалекты не только используются в определенных кругах, но и

культивируются [8, с. 145]. Также относительно благоприятные условия для существования и развития диалектов сложились в Италии. Следует отметить, что и в Российской Федерации в последнее время находят финансовую поддержку активные поиски и описания разнообразных диалектов и даже интерферированных форм русского языка. Как представляется, следующим шагом на этом пути должно стать признание возможности образования не только территориальных и региональных вариантов русского языка, но и национальных. Как показывает история распространения таких языков, как английский, испанский, французский, португальский, функционирование одного и того же языка на территории разных государств с неизбежностью приводит к языковому варьированию. И в этой закономерности наблюдаются те тенденции, которые сопровождали появление первых языков и стремление относительно замкнутых общностей людей противопоставить себя другим коллективам.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Прежде всего, язык обладает универсальными онтологическими свойствами, которые обеспечивают его использование в качестве средства регуляции общественных отношений. Среди этих свойств функция языка и изменчивость, которая проявляется в способности языка к развитию путем образования вариантных форм. Без этих свойств язык утратил бы возможность адаптироваться к потребностям социума и в итоге прекратил бы свое функционирование в качестве коммуникативной системы.

Далее, поскольку вариативность присуща любому языку, то формы ее проявления не должны вызывать неприятия со стороны лингвистов (со стороны носителей языка вариативность, как правило, почти не осознается). Необходимо разработать исследовательский инструментарий, позволяющий описывать вариативность в аспекте перспективности развития тех или иных форм, их значимости для отдельных групп носителей того или иного языка. То есть нужно принять как постулат идею о том, что язык не может быть раз и навсегда кодифицирован, а находится в состоянии непрерывного изменения, и потому наши потомки будут говорить на другом русском, украинском или ином языке, продолжая считать его языком соответствующей нации. Конечно, традиция предполагает, что язык времен А. С. Пушкина и современный язык представляют собой общую систему, однако, если бы нам пришлось встретиться с А. С. Пушкиным, мы бы вряд ли сочли его речь соответствующей нашим представлениям о русском языке. Особенно, если учесть, что для русского дворянства в XIX веке было естественно разнообразить свою речь французскими словами, и этим, по сути, создавать свой социальный вариант, отличный, скажем, от речи крестьянина того времени (в этом отношении большой интерес представляет речевая характеристика персонажей в «Войне и мире»).

Наконец, мы должны увидеть в способности языка образовывать вариантные формы потенциал для его дальнейшего развития, а вовсе не основание для языкового пуризма: «способность порождать национальные варианты свидетельствует о силе и мощи языка. Яркое подтверждение этого факта – Русофония как один из важнейших языковых миров, формирующих значительный слой планетарной лингвистической ноосферы» [11, с. 121].

Библиографические ссылки

1. **Абаев В. И.** О происхождении языка / В. И. Абаев // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет : сб. статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. – М. : Языки русской культуры. – 2001. – С. 271–283.

2. **Абаев В. И.** Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка / В. И. Абаев // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М. : Наука. – 1970. – С. 232–262.
3. **Ажеж К.** Человек говорящий : Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж; пер. с фр. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2008. – 304 с.
4. **Берков В. П.** Исландский язык / В. П. Берков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 2000. – С. 203.
5. **Звегинцев В. А.** Мысли о лингвистике / предисл. В. М. Алпатова / В. А. Звегинцев. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 336 с.
6. **Иванов Вяч. Вс.** Моногенеза теория / Вяч. Вс. Иванов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 2000. – С. 308–309.
7. **Косериу Э.** Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). – 2-е изд., стереотип. / Э. Косериу. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
8. **Мечковская Н. Б.** Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – 6-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 312 с.
9. **Миронов С. А.** Африкаанс / С. А. Миронов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 2000. – С. 57.
10. **Поршнев Б. Ф.** О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии) / Б. Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
11. **Рудяков А. Н.** Георусистика и русофония / А. Н. Рудяков // Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук, Институт языкознания РАН. – М., 2008. – С. 115–128.
12. **Селиванова Е. А.** Основы лингвистической теории текста и коммуникации : монограф. учеб. пособие / Е. А. Селиванова. – К. : Брама, Изд. Вовчок О. Ю., 2004. – 336 с.
13. **Шелякин М. А.** Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы : учебн. пособие / М. А. Шелякин. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 296 с.
14. **Якушин Б. В.** Гипотезы о происхождении языка / отв. ред. Г.В. Степанов / Б. В. Якушин. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 136 с.

Надійшла до редколегії 24.04.10

УДК 811.112.2'271.12 + 811.112.2'374

Г. П. Дьяконов

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И НОРМАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ НЕМЕЦКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОБЩЕСТВ

Розглянуто особливості формування норм сучасної німецької мови. Проаналізовано нормативні концепції мовних товариств, їх реалізацію при формуванні лексикографічної бази німецької мови.

Ключові слова: мовна норма, мовні товариства, лексикографія.

Рассмотрены особенности формирования норм современного немецкого языка. Проанализированы нормативные концепции языковых обществ, их реализация при формировании лексикографической базы немецкого языка.

Ключевые слова: языковая норма, языковые общества, лексикография.

The article considers peculiarities of the development of standards in contemporary German. Normative concepts of language societies, their use for building up the lexicological base of German are being analyzed.

Key words: linguistic norm, language societies, lexicography.